Чернышевский НГ

Русск человек
НА
RENDEZ-VOUS

1901

1 экз

Tschernyschewsky — Un russe

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА RENDEZ-VOUS

Н. Чернышевскаго

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1901

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА RENDEZ-VOUS

Н. Чернышевскаго

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-EDITEUR
1901

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ НА RENDEZ-VOUS

Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася»

„Разсказы въ дѣловомъ, изобличительномъ родѣ оставляютъ въ читателѣ очень тяжелое впечатлѣніе; поэтому я, признавая ихъ пользу и благородство, не совсѣмъ доволенъ, что наша литература приняла исключительно такое мрачное направленіе." Такъ говорятъ довольно многіе изъ людей, повидимому, не глупыхъ, или, лучше сказать, говорили до той поры, пока крестьянскій вопросъ не сдѣлался единственнымъ предметомъ всѣхъ мыслей, всѣхъ разговоровъ. Справедливы или несправедливы ихъ слова, не знаю; но мнѣ случилось быть подъ вліяніемъ такихъ мыслей, когда началъ я читать едва ли не единственную хорошую новую повѣсть, отъ которой по первымъ страницамъ можно уже было ожидать совершенно иного содержанія, иного паѳоса, нежели отъ дѣловыхъ разсказовъ. Тутъ нѣтъ ни крючкотворства съ насиліемъ и взяточничествомъ, ни грязныхъ плутовъ, ни оффиціальныхъ злодѣевъ, объясняющихъ изящнымъ языкомъ, что они благодѣтели общества, ни

мѣщанъ, мужиковъ и маленькихъ чиновниковъ, мучимыхъ всѣми этими ужасными и гадкими людьми. Дѣйствіе за-границей, вдали отъ всей дурной обстановки нашего домашняго быта. Всѣ лица повѣсти — люди изъ лучшихъ между нами, очень обрaвованные, чрезвычайно гуманные, проникнутые благороднѣйшимъ образомъ мыслей. Повѣсть имѣетъ направленіе чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной изъ такъ-называемыхъ черныхъ сторонъ жизни. Вотъ, думалъ я, отдохнетъ и освѣжится душа. И дѣйствительно освѣжилась она этими поэтическими идеалами, пока дошелъ разсказъ до рѣшительной минуты. Но послѣднія страницы разсказа не похожи на первыя, и по прочтеніи повѣсти остается отъ нее впечатлѣніе еще болѣе безотрадное, нежели отъ разсказовъ о гадкихъ взяточникахъ съ ихъ циническимъ грабежемъ. Они дѣлаютъ дурно, но они каждымъ изъ насъ признаются за дурныхъ людей; не отъ нихъ ждемъ мы улучшенія нашей жизни. Есть, думаемъ мы, въ обществѣ силы, которыя положатъ преграду ихъ вредному вліянію, которыя измѣнятъ своимъ благородствомъ характеръ нашей жизни. Эта иллюзія самымъ горькимъ образомъ отвергается въ повѣсти, которая пробуждаетъ своею первой половиной самыя свѣтлыя ожиданія.

Вотъ человѣкъ, сердце котораго открыто всѣмъ высокимъ чувствамъ, честность котораго непоколебима, мысль котораго приняла въ себя все, за что нашъ вѣкъ называется вѣкомъ благородныхъ стремленій. И что же дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ дѣлаетъ сцену, какой устыдился бы послѣдній взяточникъ. Онъ чувствуетъ самую сильную и чистую симпатію къ дѣвушкѣ, которая любитъ его; онъ часа не можетъ прожить, не видя этой дѣвушки; его мысль весь день, всю ночь рисуетъ ему ея прекрасный образъ; настало для него, думаете вы, то время любви, когда сердце утопаетъ въ блаженствѣ. Мы видимъ Ромео, мы видимъ Джульетту, счастью которыхъ ничто не мѣшаетъ, и приближается минута, когда навѣки рѣшится ихъ судьба, — для этого Ромео долженъ только сказать: „Я люблю тебя, любишь ли ты меня?“ и Джульетта прошепчетъ: „Да...“ И что же дѣлаетъ нашъ Ромео (такъ мы будемъ называть героя повѣсти, фамилія котораго не сообщена намъ авторомъ разсказа), явившись на свиданіе съ Джульеттой? Съ трепетомъ любви ожидаетъ Джульетта своего Ромео; она должна узнать отъ него, что онъ любитъ ее, — это слово не было произнесено между ними, оно теперь будетъ произнесено имъ, на вѣки соединятся они; блаженство ждетъ ихъ, такое высокое и чистое блаженство, энтузіазмъ котораго дѣлаетъ едва выносимой для земного организма торжественную минуту рѣшенія. Отъ меньшей радости умирали люди. Она сидитъ, какъ испуганная птичка, закрывъ лицо отъ сіянія являющагося передъ ней солнца любви; быстро дышитъ она, вся дрожитъ; она еще трепетнѣе потупляетъ глаза, когда входитъ онъ, называетъ ея имя; она хочетъ взглянуть на него и не можетъ; онъ беретъ ея руку, — эта рука холодна, лежитъ, какъ мертвая въ его рукѣ; она хочетъ улыбнуться, но блѣдныя губы ея не могутъ улыбнуться. Она хочетъ заговорить съ нимъ, и голосъ ея прерывается. Долго молчатъ они оба, — и въ немъ, какъ самъ онъ

говоритъ, растаяло сердце, — и вотъ Ромео говоритъ своей Джульеттѣ... и что же онъ говоритъ ей? „Вы предо мною виноваты, — говоритъ онъ ей: — вы меня запутали въ непріятности, я вами недоволенъ, вы компрометируете меня, и я долженъ прекратить мои отношенія къ вамъ; для меня очень непріятно съ вами разставаться, но вы извольте отправляться отсюда подальше“. Что это такое? Чѣмъ она виновата? Развѣ тѣмъ, что считала его порядочнымъ человѣкомъ? компрометировала его репутацію тѣмъ, что пришла на свиданіе съ нимъ! Это изумительно! Каждая черта въ ея блѣдномъ лицѣ говоритъ, что она ждетъ рѣшенія своей судьбы отъ его слова, что она всю свою душу безвозвратно отдала ему и ожидаетъ теперь только того, чтобы онъ сказалъ, что принимаетъ ея душу, ея жизнь, и онъ ей дѣлаетъ выговоры за то, что она его компрометируетъ! Что это за нелѣпая жестокость? Что это за низкая грубость? И этотъ человѣкъ, поступающій такъ подло, выставлялся благороднымъ до сихъ поръ! Онъ обманулъ насъ, обманулъ автора. Да, поэтъ сдѣлалъ слишкомъ грубую ошибку, вообразивъ, что разсказываетъ намъ о человѣкѣ порядочномъ. Этотъ человѣкъ дряннѣе отъявленнаго негодяя.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на многихъ неожиданнымъ оборотомъ отношеній нашего Ромео къ его Джульеттѣ. Отъ многихъ мы слышали, что повѣсть вся испорчена этою возмутительною сценой, что характеръ главнаго лица не выдержанъ, что если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ представляется въ первой половинѣ повѣсти, то не могъ поступить онъ съ такою пошлой грубостью, а если могъ такъ поступить, то онъ съ самаго начала долженъ былъ представиться намъ совершенно дряннымъ человѣкомъ.

Очень утѣшительно было бы думать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ ошибся; но въ томъ и состоитъ грустное достоинство его повѣсти, что характеръ героя вѣренъ нашему обществу. Быть можетъ, еслибы характеръ этотъ былъ таковъ, какимъ желали бы видѣть его люди, недовольные грубостію его на свиданіи, если бы онъ не побоялся отдать себя любви, имъ овладѣвшей, повѣсть выиграла бы въ идеально-поэтическомъ смыслѣ. За энтузіазмомъ сцены перваго свиданія послѣдовало бы нѣсколько другихъ высоко-поэтическихъ минутъ, тихая прелесть первой половины повѣсти возвысилась бы до патетической очаровательности во второй половинѣ, и вмѣсто перваго акта изъ Ромео и Джульетты съ окончаніемъ во вкусѣ Печорина, мы имѣли бы нѣчто дѣйствительно похожее на Ромео и Джульетту или по крайней мѣрѣ на одинъ изъ романовъ Жоржа-Занда. Кто ищетъ въ повѣсти поэтически-цѣльнаго впечатлѣнія, дѣйствительно долженъ осудить автора, который, заманивъ его возвышенно сладкими ожиданіями, вдругъ показалъ ему какую-то пошло-нелѣпую суетность мелочно-робкаго эгоизма въ человѣкѣ, начавшемъ въ родѣ Макса Пикколомини и кончившаго въ родѣ какого-нибудь Захара Сидорыча, играющаго въ копѣечный преферансъ.

Но точно ли ошибся авторъ въ своемъ героѣ? — Если ошибся, то не въ первый разъ дѣлаетъ онъ эту ошибку. Сколько ни было у него разсказовъ, приводившихъ къ подобному положенію, каж-

дый разъ его герои выходили изъ этихъ положенiй не иначе, какъ совершенно оконфузившись передъ нами. Въ „Фаустѣ“ герой старается ободрить себя тѣмъ, что ни онъ, ни Вѣра не имѣютъ другъ къ другу серьезнаго чувства; сидѣть съ ней, мечтать о ней, — это его дѣло, но по части рѣшительности, даже въ словахъ, онъ держитъ себя такъ, что Вѣра сама должна сказать ему, что любитъ его; рѣчь нѣсколько минутъ шла уже такъ, что ему слѣдовало непремѣнно сказать это, но онъ, видите ли, не догадался и не посмѣлъ сказать ей этого; а когда женщина, которая должна принимать объясненiе, вынуждена наконецъ сама сдѣлать объясненiе, онъ, видите ли, „замеръ“, но почувствовалъ, что „блаженство волною пробѣгаетъ по его сердцу“, только, впрочемъ, „по временамъ“, а собственно говоря, онъ „совершенно потерялъ голову„, — жаль только, что не упалъ въ обморокъ, да и то было бы, еслибы не попалось кстати дерево, къ которому можно было прислониться. Едва успѣлъ оправиться человѣкъ, подходитъ къ нему женщина, которую онъ любитъ, которая высказала ему свою любовь, и спрашиваетъ, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Онъ... онъ „смутился“. Не удивительно, что послѣ такого поведенiя любимаго человѣка (иначе какъ „поведенiемъ“ нельзя назвать образъ поступковъ этого господина) у бѣдной женщины сдѣлалась нервическая горячка; еще натуральнѣе, что потомъ онъ сталъ плакаться на свою судьбу. Это въ „Фаустѣ“; почти то же и въ „Рудинѣ“. Рудинъ въ началѣ держитъ себя нѣсколько приличнѣе для мужчины, нежели прежнiе герои: онъ такъ рѣшителенъ, что

самъ говоритъ Натальѣ о своей любви (хоть говоритъ не по доброй волѣ, а потому, что вынужденъ къ этому разговору); онъ самъ проситъ у ней свиданiя. Но когда Наталья на этомъ свиданiи говоритъ ему, что выйдетъ за него съ согласiя или безъ согласiя матери, все равно, лишь бы онъ только любилъ ее, когда произноситъ слова: „Знайте же, я раба ваша“, — Рудинъ только и находитъ въ отвѣтъ восклицанiе: „О, Боже!“ — восклицанiе больше конфузное, чѣмъ восторженное,—а потомъ дѣйствуетъ такъ хорошо, то есть до такой степени труслив ъ и вялъ, что Наталья принуждена сама пригласить его на свиданiе для рѣшенiя, что же имъ дѣлать. Получивши записку, „онъ видѣлъ, что развязка приближается и втайнѣ смущался духомъ“. Наталья говоритъ, что мать объявила ей, что скорѣе согласится видѣть дочь мертвой, чѣмъ женой Рудина, и вновь спрашиваетъ Рудина, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Рудинъ отвѣчаетъ попрежнему: „Боже мой, Боже мой,“ и прибавляетъ еще наивнѣе; — „такъ скоро! что я намѣренъ дѣлать? у меня голова кругомъ идетъ, я ничего сообразить не могу“. Но потомъ соображаетъ, что слѣдуетъ „покориться“. Названный трусомъ, онъ начинаетъ упрекать Наталью, потомъ читать ей лекцiю о своей честности, и на замѣчанiе, что не это должна она услышать теперь отъ него, отвѣчаетъ что онъ не ожидалъ такой рѣшительности. Дѣло кончается тѣмъ, что оскорбленная дѣвушка отворачивается отъ него, едва ли не стыдясь своей любви къ трусу.

Но можетъ быть эта жалкая черта въ характерѣ героевъ — особенность повѣстей г. Тургенева?

Быть тожетъ характеръ именно его таланта склоняетъ его къ изображенію подобныхъ лицъ? Вовсе нѣтъ; характеръ таланта, намъ кажется, тутъ ничего не значитъ. Вспомните любой хорошій, вѣрный жизни разсказъ какого угодно изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, и если въ разсказѣ есть идеальная сторона, будьте увѣрены, что представитель этой идеальной стороны поступаетъ точно такъ же, какъ лица г. Тургенева. Напримѣръ характеръ таланта г. Некрасова вовсе не таковъ, какъ г. Тургенева; какіе угодно недостатки можете находить въ немъ, но никто не скажетъ, чтобы недоставало въ талантѣ г. Некрасова энергіи и твердости. Что жъ дѣлаетъ герой въ его поэмѣ „Саша"? Натолковалъ онъ Сашѣ, что, говоритъ, „не слѣдуетъ слабѣть душою," потому что „солнышко правды взойдетъ надъ землею", и что надобно дѣйствовать для осуществленія своихъ стремленій; а потомъ, когда Саша принимается за дѣло, онъ говоритъ, что все это напрасно и ни къ чему не поведетъ, что онъ „болталъ пустое". Припомнимъ, какъ поступаетъ Бельтовъ, — и онъ точно такъ же предпочитаетъ всякому рѣшительному шагу отступленіе. Подобныхъ примѣровъ набрать можно было бы очень много. Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у другихъ поэтовъ: пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо

и точно выразить свои чувства и желанія,—большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Не многіе самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: „Вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ," — при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что „какъ же можно такъ скоро", и „при томъ же они честные люди", и не только честные, но очень смирные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они „никакъ не ждали и не ожидали" и пр.

Таковы-то наши „лучшіе люди" — Всѣ они похожи на нашего Ромео. Много ли бѣды для Аси въ томъ, что г. Н. никакъ не зналъ, что ему съ нею дѣлать, и рѣшительно прогнѣвался когда отъ него потребовалась отважная рѣшимость; много ли бѣды въ этомъ для Аси, мы не знаемъ. Первою мыслью приходитъ, что бѣды отъ этого ей очень

мало; напротивъ, и слава Богу, что дрянное безсиліе характера въ нашемъ Ромео оттолкнуло отъ него дѣвушку еще тогда, какъ не было поздно. Ася погруститъ нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ и забудетъ все, и можетъ отдаться новому чувству, предметъ котораго будетъ болѣе достоинъ ея. Такъ, но въ томъ-то и бѣда, что едва ли встрѣтится ей человѣкъ болѣе достойный; въ томъ и состоитъ грустный комизмъ отоошеній нашего Ромео къ Асѣ, что нашъ Ромео дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ людей нашего общества, что лучше его почти и не бываетъ людей у насъ. Только тогда будетъ довольна Ася своими отношеніями къ людямъ, когда, подобно другимъ, станетъ ограничиваться прекрасными разсужденіями, пока не представляется случая приняться за исполненіе рѣчей, а чуть представится случай, прикуситъ язычокъ и сложитъ руки, какъ дѣлаютъ всѣ. Только тогда и другіе будутъ ею довольны; а теперь, сначала, конечно, всякій скажетъ, что эта дѣвушка очень милая, съ благородной душой, съ удивительною силой характера, вообще дѣвушка, которую нельзя не полюбить, передъ которой нельзя не благоговѣть; но все это будетъ говориться лишь до той поры, пока характеръ Аси выказывается одними словами, пока только предполагается, что она способна на благородный и рѣшительный поступокъ; а едва сдѣлаетъ она шагъ, сколько-нибудь оправдывающій ожиданія, внушаемыя ея характеромъ, тотчасъ сотни голосовъ закричатъ: „Помилуйте, какъ это можно, вѣдь это безуміе! Назначать rendez-vous молодому человѣку! Вѣдь она губитъ себя, губитъ совершенно безполезно! Вѣдь

изъ этого ничего не можетъ выдти, рѣшительно ничего кромѣ того, что она потеряетъ свою репутацію. Можно ли такъ безумно рисковать собою?“ — „Рисковать собою? Это бы еще ничего, прибавятъ другіе: пусть она дѣлала бы съ собой, что хочетъ, но къ чему подвергать непріятностямъ другихъ? Въ какое положеніе поставила она этого бѣднаго молодого человѣка? Развѣ онъ думалъ, что она захочетъ повести его такъ далеко? Что теперь ему дѣлать при ея безразсудствѣ? Если онъ пойдетъ за нею, онъ погубитъ себя; если онъ откажется, его назовутъ трусомъ и самъ онъ будетъ презирать себя. Я не знаю, благородно ли ставить въ подобныя непріятныя положенія людей, не подавшихъ, кажется, никакого особеннаго повода къ такимъ несообразнымъ поступкамъ. Нѣтъ, это не совсѣмъ благородно. А бѣдный братъ? Какова его роль? Какую горькую пилюлю поднесла ему сестра? Цѣлую жизнь ему не переварить этой пилюли. Нечего сказать, одолжила милая сестрица! Я не спорю, все это очень хорошо на словахъ, — и благородныя стремленія, и самопожертвованіе, и Богъ знаетъ какія прекрасныя вещи, но я скажу одно: я бы не желалъ быть братомъ Аси. Скажу болѣе, еслибъ я былъ на мѣстѣ ея брата, — я заперъ бы ее на полгода въ ея комнатѣ. Для ея собственной пользы надобно запереть ее. Она, видите ли, изволитъ увлекаться высокими чувствами; но каково расхлебывать другимъ то, что она изволила наварить? Нѣтъ, я не назову ея поступокъ, не назову ея характеръ благороднымъ, потому что я не называю благородными тѣхъ, которые легкомысленно и дерзко вредятъ другимъ.“ Такъ позе-

нится общій крикъ разсужденіями разсудительныхъ людей. Намъ отчасти совѣстно признаться, но все-таки приходится признаться, что эти разсужденія кажутся намъ основательными. Въ самомъ дѣлѣ, Ася вредитъ не только себѣ, но и всѣмъ имѣвшимъ несчастіе по родству или по случаю быть близкими къ ней; а тѣхъ, которые для собственнаго удовольствія вредятъ всѣмъ близкимъ своимъ, мы не можемъ не осуждать.

Осуждая Асю, мы оправдываемъ нашего Ромео. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ виноватъ? развѣ онъ подалъ ей поводъ дѣйствовать безразсудно? развѣ онъ подстрекалъ ее къ поступку, котораго нельзя одобрить? развѣ онъ не имѣлъ права сказать ей, что напрасно она запутала его въ непріятныя отношенія? Вы возмущаетесь тѣмъ, что его слова суровы, называете ихъ грубыми. Но правда всегда бываетъ сурова, и кто осудитъ меня, если вырвется у меня даже грубое слово, когда меня, ни въ чемъ не виноватаго, запутаютъ въ непріятное дѣло, да еще пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я радовался бѣдѣ, въ которую меня втянули?

Я знаю, отчего вы такъ несправедливо восхитились было неблагороднымъ поступкомъ Аси и осудили было нашего Ромео. Я знаю это потому, что самъ на минуту поддался неосновательному впечатлѣнію, сохранившемуся въ васъ. Вы начитались о томъ, какъ поступали и поступаютъ люди въ другихъ странахъ. Но сообразите, что вѣдь то другія страны. Мало ли что дѣлается на свѣтѣ въ другихъ мѣстахъ, но вѣдь не всегда и не вездѣ возможно то, что очень удобно при извѣстной обстановкѣ. Въ Англіи, напримѣръ, въ разговорномъ

языкѣ не существуетъ слова „ты“: фабрикантъ своему работнику, землевладѣлецъ нанятому имъ землекопу, господинъ своему лакею говорятъ непремѣнно „вы“ и, гдѣ случится, вставляютъ въ разговорѣ съ нимъ sir, то есть все равно, что французское monsieur, а по-русски и слова такого нѣтъ, а выходитъ учтивость въ томъ родѣ, какъ еслибы баринъ своему мужику говорилъ: „Вы, Сидоръ Карпычъ, сдѣлайте одолженіе, зайдите ко мнѣ на чашку чаю, а потомъ поправьте дорожки у меня въ саду“. Осудите ли вы меня, если я говорю съ Сидоромъ безъ такихъ субтильностей? Вѣдь я былъ бы смѣшонъ, еслибы принялъ языкъ англичанина. Вообще, какъ скоро вы начинаете осуждать то, что не нравится вамъ, вы становитесь идеологомъ, то есть самымъ забавнымъ и, сказать вамъ на ушко, самымъ опаснымъ человѣкомъ на свѣтѣ, теряете изъ подъ вашихъ ногъ твердую опору практичной действительности. Опасайтесь этого, старайтесь сдѣлаться человѣкомъ практическимъ въ своихъ мнѣніяхъ, и на первый разъ постарайтесь примириться хоть съ нашимъ Ромео, кстати ужъ зашла о немъ рѣчь. Я вамъ готовъ разсказать путь, которымъ я дошелъ до этого результата не только относительно сцены съ Асей, но и относительно всего въ мірѣ, то есть сталъ доволенъ всѣмъ, что ни вижу около себя, ни на что не сержусь, ничѣмъ не огорчаюсь (кромѣ неудачъ въ дѣлахъ, лично для меня выгодныхъ), ничего и никого въ мірѣ не осуждаю (кромѣ людей, нарушающихъ мои личныя выгоды), ничего не желаю (кромѣ собственной пользы), — словомъ сказать, я разскажу вамъ, какъ я сдѣлался изъ

желчнаго меланхолика человѣкомъ до того практическимъ и благонамѣреннымъ, что даже не удивлюсь, если получу награду за свою благонамѣренность.

Я началъ съ того замѣчанія, что не слѣдуетъ порицать людей ни за что и ни въ чемъ, потому что, сколько я видѣлъ, въ самомъ умномъ человѣкѣ есть своя доля ограниченности, достаточная для того, чтобы онъ въ своемъ образѣ мыслей не могъ далеко уйти отъ общества, въ которомъ воспитался и живетъ, и въ самомъ энергическомъ человѣкѣ есть своя доля апатіи, достаточная для того, чтобъ онъ въ своихъ поступкахъ не удалялся много отъ рутины и, какъ говорится, плылъ по теченію рѣки, куда несетъ вода. Въ среднемъ кругу принято красить яйца къ Пасхѣ, на Масляницѣ ѣсть блины, — и всѣ такъ дѣлаютъ, хотя иной крашеныхъ яицъ вовсе не ѣстъ, а на тяжесть блиновъ почти каждый жалуется. Такъ не въ однихъ пустякахъ, — и во всемъ такъ. Принято, напримѣръ, что мальчиковъ слѣдуетъ держать свободнѣе, нежели дѣвочекъ, и каждый отецъ, каждая мать, какъ бы ни были убѣждены въ неразумности такого различія, воспитываютъ дѣтей по этому правилу. Принято, что богатство—вещь хорошая, и каждый бываетъ доволенъ, если вмѣсто десяти тысячъ рублей въ годъ начинаетъ получать благодаря счастливому обороту дѣлъ двадцать тысячъ, хотя, здраво разсуждая, каждый умный человѣкъ знаетъ, что тѣ вещи, которыя, будучи недоступны при первомъ доходѣ, становятся доступны при второмъ, не могутъ приносить никакого существеннаго удовольствія. Напримѣръ, если съ десятью

тысячами дохода можно сдѣлать балъ въ 500 рублей, то съ двадцатью можно сдѣлать балъ въ 1000 рублей; послѣдній будетъ нѣсколько лучше перваго, но все-таки особеннаго великолѣпія въ немъ не будетъ, его назовутъ не болѣе, какъ довольно порядочнымъ баломъ, а порядочнымъ баломъ будетъ и первый. Такимъ образомъ даже чувство тщеславія при 20 тысячахъ дохода удовлетворяется очень немногимъ болѣе того, какъ при 10 тысячахъ; что же касается до удовольствій, которыя можно назвать положительными, въ нихъ разница совершенно незамѣтна. Лично для себя человѣкъ съ 10 тысячами дохода имѣетъ точно такой же столъ, точно такое же вино и кресло того же ряда въ оперѣ, какъ и человѣкъ съ 20 тысячами. Первый называется человѣкомъ довольно богатымъ, и второй точно такъ же не считается чрезвычайнымъ богачемъ — существенной разницы въ ихъ положеніи нѣтъ; и однакоже каждый, по рутинѣ, принятой въ обществѣ, будетъ радоваться при увеличеніи своихъ доходовъ съ 10 на 20 тысячъ, хотя фактически не будетъ замѣчать почти никакого увеличенія въ своихъ удовольствіяхъ. Люди вообще страшные рутинеры: стоитъ только всмотрѣться поглубже въ ихъ мысли, чтобъ открыть это. Иной господинъ чрезвычайно озадачитъ васъ на первый разъ независимостью своего образа мыслей отъ общества, къ которому онъ принадлежитъ; покажется вамъ, напримѣръ, космополитомъ человѣкомъ безъ сословныхъ предубѣжденій и т. п. и самъ подобно своимъ знакомымъ воображаетъ себя такимъ отъ чистой души. Но наблюдайте точнѣе за космополитомъ, и онъ окажется Французомъ

или русскимъ со всѣми особенностями понятій и привычекъ, принадлежащими той націи, къ которой причисляется по своему паспорту; окажется помѣщикомъ или чиновникомъ, купцомъ или профессоромъ, со всѣми оттѣнками образа мыслей, принадлежащими его сословію. Я увѣренъ, что многочисленность людей, имѣющихъ привычку другъ на друга сердиться, другъ друга обвинять, зависитъ единственно отъ того, что слишкомъ немногіе занимаются наблюденіями подобнаго рода; а попробуйте только начать всматриваться въ людей съ цѣлью провѣрки, дѣйствительно ли отличается чѣмъ-нибудь важнымъ отъ другихъ людей одного съ нимъ положенія тотъ или другой человѣкъ, кажущійся на первый разъ не похожимъ на другихъ, — попробуйте только заняться такими наблюденіями, и этотъ анализъ такъ завлечетъ васъ, такъ заинтересуетъ вашъ умъ, будетъ постоянно доставлять такія успокоительныя впечатлѣнія вашему духу, что вы не отстанете отъ него уже никогда и очень скоро придете къ выводу: „каждый человѣкъ, какъ всѣ люди, въ каждомъ точно то же, что и въ другихъ". И чѣмъ дальше, тѣмъ тверже вы станете убѣждаться въ этой аксіомѣ. Различія только потому кажутся важны, что лежатъ на поверхности и бросаются въ глаза, а подъ видимымъ кажущимся различіемъ скрывается совершенное тождество. Да и съ какой стати въ самомъ дѣлѣ человѣкъ былъ бы противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы? Вѣдь въ природѣ кедръ и иссопъ питаются и цвѣтутъ, слонъ и мышь движутся и ѣдятъ, радуются и сердятся по однимъ и тѣмъ же законамъ; подъ внѣшнимъ различіемъ формъ лежитъ

внутреннее тождество организма обезьяны и кита, орла и курицы: стоитъ только вникнуть въ дѣло еще внимательнѣе, и увидимъ, что не только различныя существа одного класса, но и различные классы существъ устроены и живутъ по однимъ и тѣмъ же началамъ, что организмъ млекопитающаго, птицы и рыбы одинаковы, что и червякъ дышетъ подобно млекопитающему, хотя нѣтъ у него ни ноздрей, ни дыхательнаго горла, ни легкихъ. Не только аналогія съ другими существами нарушалась бы непризнаваніемъ одинаковости основныхъ правилъ и пружинъ въ нравственной жизни каждаго человѣка, — нарушалась бы и аналогія съ его физической жизнью. Изъ двухъ здоровыхъ людей одинаковыхъ лѣтъ, въ одинаковомъ расположеніи духа, у одного пульсъ бьется, конечно, нѣсколько сильнѣе и чаще, нежели у другого; но велико ли это различіе? Оно такъ ничтожно, что наука даже не обращаетъ на него вниманія. Другое дѣло, когда вы сравните людей разныхъ лѣтъ или въ разныхъ обстоятельствахъ: у дитяти пульсъ бьется вдвое скорѣе, нежели у старика, у больного гораздо чаще или рѣже, нежели у здороваго, у того, кто выпилъ стаканъ шампанскаго, чаще, нежели у того, кто выпилъ стаканъ воды, но тутъ и понятно всякому, что разница не въ устройствѣ организма, а въ обстоятельствахъ, при которыхъ наблюдается организмъ. И у старика, когда онъ былъ ребенкомъ, пульсъ бился такъ же часто, какъ у ребенка, съ которымъ вы его сравниваете; и у здороваго ослабѣлъ бы пульсъ какъ у больного, еслибы онъ занемогъ тою же болѣзнью; и у Петра, еслибъ онъ выпилъ стаканъ

шампанскаго, точно такъ же усилилось бы біеніе пульса, какъ у Ивана.

Вы почти достигли границъ человѣческой мудрости, когда утвердились въ этой простой истинѣ, что каждый человѣкъ — такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Не говорю уже объ отрадныхъ слѣдствіяхъ этого убѣжденія для вашего житейскаго счастія: вы перестанете сердиться и огорчаться, перестанете негодовать и обвинять, будете кротко смотрѣть на то, за что прежде готовы были браниться и драться; въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ стали бы вы сердиться или жаловаться на человѣка за такой поступокъ, какой каждымъ былъ бы сдѣланъ на его мѣстѣ? Въ вашу душу поселяется ничѣмъ не возмутимая кроткая тишина, сладостнѣе которой можетъ быть только браминское созерцаніе кончика носа съ тихимъ неумолчнымъ повтореніемъ словъ „Омъ-мани-падъ-ме-хумъ". Я не говорю уже о этой неоцѣненной душевно-практической выгодѣ, не говорю даже и о томъ, сколько денежныхъ выгодъ доставитъ вамъ мудрая снисходительность къ людямъ: вы совершенно радушно будете встрѣчать негодяя, котораго прогнали бы отъ себя прежде; а этотъ негодяй, быть можетъ, человѣкъ съ вѣсомъ въ обществѣ, и хорошими отношеніями съ нимъ поправятся ваши собственныя дѣла. Не говорю и о томъ, что вы сами тогда менѣе будете стѣсняться ложными сомнѣніями совѣстливости въ пользованіи тѣми выгодами, какія будутъ подвертываться вамъ подъ руку: къ чему будетъ вамъ стѣсняться излишней щекотливостью, если вы убѣждены, что каждый поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ точно такъ же, какъ и вы? Всѣхъ

этихъ выгодъ я не выставляю на видъ, имѣя цѣлью указать только чисто научную, теоретическую важность убѣжденія въ одинаковости человѣческой натуры во всѣхъ людяхъ. Если всѣ люди существенно одинаковы, то откуда же возникаетъ разница въ ихъ поступкахъ? Стремясь къ достиженію главной истины, мы уже нашли мимоходомъ и тотъ выводъ изъ нея, который служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. — Для насъ теперь ясно, что все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ и отъ обстоятельствъ, то есть въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка,— всмотритесь прежде, онъ ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества. Всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его. Разсуждая о другихъ, мы слишкомъ наклонны всякую бѣду считать виною —въ этомъ истинная бѣда для практической жизни, потому что вина и бѣда вещи совершенно различныя и требуютъ обращенія съ собой одна вовсе не такого, какъ другая. Вина вызываетъ порицаніе или даже наказаніе противъ лица. Бѣда требуетъ помощи лицу черезъ устраненіе обстоятельствъ болѣе сильныхъ, нежели его воля. Я зналъ одного портного, который раскаленнымъ утюгомъ тыкалъ въ зубы своимъ ученикамъ. Его, пожалуй, можно назвать виноватымъ, можно и наказать его; но зато не каждый портной тычетъ горячимъ утюгомъ въ зубы, примѣры такого неистовства очень рѣдки. Но почти каждому мастеровому случается,

выпивши въ праздникъ, подраться — это ужъ не вина, а просто бѣда. Тутъ нужно не наказаніе отдѣльнаго лица, а измѣненіе въ условіяхъ быта для цѣлаго сословія. Тѣмъ грустнѣе вредное смѣшиваніе вины и бѣды, что различать эти двѣ вещи очень легко; одинъ признакъ различія мы уже видѣли: вина — это рѣдкость, это исключеніе изъ правила; бѣда — это эпидемія. Умышленный поджогъ — это вина; зато изъ милліоновъ людей находится одинъ, который рѣшается на такое дѣло. Есть другой признакъ, нужный для дополненія къ первому. Бѣда обрушивается на томъ самомъ человѣкѣ, который исполняетъ условіе, ведущее къ бѣдѣ; вина обрушивается на другихъ, принося виноватому пользу. Этотъ послѣдній признакъ чрезвычайно точенъ. Разбойникъ зарѣзалъ человѣка, чтобы ограбить его, и находитъ въ томъ пользу себѣ, — это вина. Неосторожный охотникъ нечаянно ранилъ человѣка и самъ первый мучится несчастіемъ, которое сдѣлалъ, — это ужъ не вина, а просто бѣда.

Признакъ вѣренъ, но если примѣнять его съ нѣкоторою проницательностью, съ внимательнымъ разборомъ фактовъ, то окажется, что вины почти никогда не бываетъ на свѣтѣ, а бываетъ только бѣда. Сейчасъ мы упомянули о разбойникѣ. Сладко ли ему жить? Еслибы не особенныя очень тяжелыя для него обстоятельства, взялся ли бы онъ за свое ремесло? Гдѣ вы найдете человѣка, которому пріятнѣе было бы въ морозъ и въ непогоду прятаться въ берлогахъ и шататься по пустынямъ, часто терпѣть голодъ и постоянно дрожать за свою спину, ожидающую плети, — которому это было

бы пріятнѣе, нежели комфортабельно курить сигару въ спокойныхъ креслахъ или играть въ ералашъ въ Англійскомъ клубѣ, какъ дѣлаютъ порядочные люди?

Нашему Ромео также было бы гораздо пріятнѣе наслаждаться взаимными пріятностями счастливой любви, нежели остаться въ дуракахъ и жестоко бранить себя за пошлую грубость съ Асей. Изъ того, что жестокая непріятность, которой подвергается Ася, приноситъ ему самому не пользу или удовольствіе, а стыдъ передъ самимъ собой, то есть самое мучительное изъ всѣхъ нравственныхъ огорченій, мы видимъ, что онъ попалъ не въ вину, а въ бѣду. Пошлость, которую онъ сдѣлалъ, была бы сдѣлана очень многими другими такъ называемыми порядочными людьми или лучшими людьми нашего общества; стало-быть это не иное что, какъ симптомъ эпидемической болѣзни, укоренившейся въ нашемъ обществѣ.

Симптомъ болѣзни не есть самая болѣзнь, и еслибы дѣло состояло только въ томъ, что нѣкоторые или, лучше сказать, почти всѣ „лучшіе“ люди обижаютъ дѣвушку, когда въ ней больше благородства или меньше опытности, нежели въ нихъ, — это дѣло, признаемся, мало интересовало бы насъ. Богъ съ ними, съ эротическими вопросами, — не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ. Но сцена, сдѣланная нашимъ Ромео Асѣ, какъ мы замѣтили, только симптомъ болѣзни, которая точно такимъ

же пошлымъ образомъ портитъ всѣ наши дѣла, и только нужно намъ всмотрѣться, отчего попалъ въ бѣду нашъ Ромео, мы увидимъ, чего намъ всѣмъ, похожимъ на него, ожидать отъ себя и ожидать для себя и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

Начнемъ съ того, что бѣдный молодой человѣкъ совершенно не понимаетъ того дѣла, участіе въ которомъ принимаетъ. Дѣло ясно, но онъ одержимъ такимъ тупоумемъ, котораго не въ силахъ образумить очевиднѣйшіе факты. Чему уподобить такое слѣпое тупоуміе, мы рѣшительно не знаемъ. Дѣвушка, неспособная ни къ какому притворству, не знающая никакой хитрости, говоритъ ему: „Сама не знаю, что со мною дѣлается. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка“. — Кажется ясно, какое чувство пробудилось въ ней. Черезъ двѣ минуты она съ волненіемъ, отражающимся даже блѣдностью на ея лицѣ, спрашиваетъ, нравилась ли ему та дама, о которой какъ-то шутя упомянуто было въ разговорѣ много дней тому назадъ; потомъ спрашиваетъ, что ему нравится въ женщинѣ; когда онъ замѣчаетъ, какъ хорошо сіяющее небо, она говоритъ: — Да, хорошо! Еслибъ мы съ вами были птицы — какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли!.. Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... но мы не птицы. — А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я. — Какъ такъ? — Поживите — узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья. — А у васъ были? — Какъ вамъ сказать... кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ. — На другой день, когда онъ вошелъ, Ася покраснѣла; хотѣла было убѣжать изъ комнаты, была грустна и, наконецъ, припоминая вчерашній разговоръ, сказала ему: „Помните, вы вчера говорили о крыльяхъ? Крылья у меня выросли“.

Слова эти были такъ ясны, что даже недогадливый Ромео, возвращаясь домой, не могъ не дойти до мысли: неужели она меня любитъ? Съ этою мыслью заснулъ и, проснувшись на другое утро, спрашивалъ себя: „неужели она меня любитъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не понять этого, и, однакожъ, онъ не понялъ. Понималъ ли онъ по крайней мѣрѣ то, что дѣлалось въ его собственномъ сердцѣ? И тутъ примѣты были не менѣе ясны. Послѣ первыхъ же двухъ встрѣчъ съ Асей онъ чувствуетъ ревность при видѣ ея нѣжнаго обращенія съ братомъ, и отъ ревности не хочетъ вѣрить, что Гагинъ дѣйствительно братъ ей. Ревность въ немъ такъ сильна, что онъ не можетъ видѣть Асю, но не могъ бы и удержаться и отъ того, чтобы не видѣть ее, потому онъ будто 18-тилѣтній юноша убѣгаетъ отъ деревеньки, въ которой живетъ она, нѣсколько дней скитается по окрестнымъ полямъ. Убѣдившись, наконецъ, что Ася только въ самомъ дѣлѣ сестра Гагину, онъ счастливъ, какъ ребенокъ, и, возвращаясь отъ нихъ, чувствуетъ даже, что „что слезы закипаютъ у него на глазахъ отъ восторга“, чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ восторгъ весь сосредоточивается на мысли объ Асѣ и наконецъ доходитъ до того, что не можетъ ни о чемъ думать кромѣ

нея. Кажется, человѣкъ, любившій нѣсколько разъ, долженъ былъ бы понимать, какое чувство высказывается въ немъ самомъ этими признаками. Кажется, человѣкъ, хорошо знавшій женщинъ, могъ бы понимать, что дѣлается въ сердцѣ Аси. Но когда она пишетъ ему, что любитъ его, эта записка совершенно изумляетъ его: онъ, видите ли никакъ этого не предугадывалъ. Прекрасно; но какъ бы то ни было, предугадывалъ онъ или не предугадывалъ, что Ася любитъ его, все равно; теперь ему извѣстно положительно: Ася любитъ его, онъ теперь видитъ это; ну, что же онъ чувствуетъ къ Асѣ? Рѣшительно самъ онъ не знаетъ, какъ ему отвѣчать на этотъ вопросъ. Бѣдняжка! на тридцатомъ году, ему, по молодости лѣтъ, нужно было бы имѣть дядьку, который говорилъ бы ему, когда слѣдуетъ утереть носикъ, когда нужно ложиться почивать и сколько чашечекъ чайку надобно ему кушать. При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, вамъ можетъ казаться, что передъ вами или дитя или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій, какъ мы замѣтили, подъ-тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что все сводится къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе—онъ робѣетъ, онъ безсильно

отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки серебр.; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ которой выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей, и вы увидите, что онъ совершенно переконфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство; онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ не сумѣетъ и картъ держать въ рукахъ.— Онъ похожъ на моряка, который всю свою жизнь дѣлалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію вехъ между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ; что, если вдругъ этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя на океанѣ?

Боже мой! За что мы такъ сурово анализируемъ нашего героя? Чѣмъ онъ хуже другихъ? Чѣмъ онъ хуже насъ всѣхъ? Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ или неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиной или шесть, а иные и больше футовъ роста; они отращиваютъ или брѣютъ волосы на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображаемъ, что видимъ передъ собою мужчинъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участію въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина ребенокъ мужескаго пола,

выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола среднихъ, а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мужчиною онъ не становится или покрайней мѣрѣ не становится мужчиною благороднаго характера. Лучше не развиваться человѣку, нежели развиваться безъ вліянія мысли объ общественныхъ дѣлахъ, безъ вліянія чувствъ, пробуждаемыхъ участіемъ въ нихъ. Если изъ круга моихъ наблюденій, изъ сферы дѣйствій, въ которой вращаюсь я, исключены идеи и побужденія, имѣющія предметомъ общую пользу, то есть исключены гражданскіе мотивы, что остается наблюдать мнѣ? въ чемъ остается участвовать мнѣ? Остается хлопотливая сумятица отдѣльныхъ личностей съ личными узенькими заботами о своемъ карманѣ, о своемъ брюшкѣ или о своихъ забавахъ. Если я стану наблюдать людей въ томъ видѣ, какъ они представляются мнѣ при отдаленіи отъ нихъ участія въ гражданской дѣятельности, какое понятіе о людяхъ и жизни образуется во мнѣ? Когда-то любили у насъ Гофмана, и была когда-то переведена его повѣсть о томъ, какъ по странному случаю глаза господина Перигринуса Тисса получили силу микроскопа, и о томъ, каковы были для его понятій о людяхъ результаты этого качества его глазъ. Красота, благородство, добродѣтель, любовь, дружба, все прекрасное и великое исчезло для него изъ міра. На кого ни взглянетъ онъ, каждый мужчина представляется ему подлымъ трусомъ или коварнымъ интриганомъ, каждая женщина кокеткою, всѣ люди лжецами и эгоистами, мелочными и низкими до послѣдней степени. Эта страшная повѣсть могла создаться только въ головѣ человѣка, насмотрѣвшагося на

то, что называется въ Германіи Kleinstädterei, насмотрѣвшагося на жизнь людей, лишенныхъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, ограниченныхъ тѣсно размѣреннымъ кружкомъ своихъ частныхъ интересовъ, потерявшихъ всякую мысль о чемъ-нибудь высшемъ копѣечнаго преферанса (котораго впрочемъ еще не было извѣстно во времена Гофмана). Припомните, чѣмъ становится разговоръ въ какомъ бы то ни было обществѣ, какъ скоро рѣчь перестаетъ идти объ общественныхъ дѣлахъ? Какъ бы ни были умны и благородны собесѣдники, если не говорятъ о дѣлахъ общественнаго интереса, они начинаютъ сплетничать или пустословить; злоязычная пошлость или безпутная пошлость — вотъ характеръ, неизбѣжно принимаемый бесѣдой, удаляющеюся отъ общественныхъ интересовъ. По характеру бесѣды можно судить о бесѣдующихъ. Если даже высшіе по развитію своихъ понятій люди впадаютъ въ пустую и грязную пошлость, когда ихъ мысль уклоняется отъ общественныхъ интересовъ, то легко сообразить, каково должно быть общество, живущее въ совершенномъ отчужденіи отъ этихъ интересовъ. Представьте же себѣ человѣка, который воспитался жизнью въ такомъ обществѣ: каковы будутъ выводы изъ его опытовъ? каковы результаты его наблюденій надъ людьми? Все пошлое и мелочное онъ понимаетъ превосходно, но кромѣ этого не понимаетъ ничего, потому что ничего не видалъ и не испыталъ. Онъ могъ Богъ знаетъ какихъ прекрасныхъ вещей начитаться въ книгахъ, онъ можетъ находить удовольствіе въ размышленіяхъ объ этихъ прекрасныхъ вещахъ; быть можетъ онъ

даже вѣритъ тому, что онѣ существуютъ или должны существовать и на землѣ, а не въ однѣхъ книгахъ. Но какъ вы хотите, чтобы онъ понялъ и угадалъ ихъ, когда онѣ вдругъ встрѣтятся его неприготовленному взгляду, опытному только въ классификаціи вздора и пошлости? Какъ вы хотете, чтобы я, которому подъ именемъ шампанскаго подавали вино, никогда и не видавшее виноградниковъ Шампани, но впрочемъ очень хорошее шипучее вино, — какъ вы хотите, чтобъ я, когда мнѣ вдругъ подадутъ дѣйствительно шампанское вино, могъ сказать навѣрное: да, это дѣйствительно уже не поддѣлка? Если я скажу это, я буду фатъ. Мой вкусъ чувствуетъ только, что это вино хорошо, — но мало ли я пилъ хорошаго поддѣльнаго вина? Почему я знаю, что и на этотъ разъ мнѣ поднесли не поддѣльное вино? Нѣтъ, нѣтъ, въ поддѣлкахъ я знатокъ, умѣю отличить хорошую отъ дурной, но неподдѣльнаго вина оцѣнить я не могу.

Счастливы мы были бы, благородны мы были бы, еслибы только неприготовленность взгляда, неопытность мысли мѣшала намъ угадывать и цѣнить высокое и великое, когда оно попадается намъ въ жизни. Но нѣтъ, и наша воля участвуетъ въ этомъ грубомъ непониманіи. Не одни понятія сузились во мнѣ отъ пошлой ограниченности, въ суетѣ которой я живу; этотъ характеръ перешелъ и въ мою волю: какова широта взгляда, такова и широта рѣшеній, и кромѣ того невозможно непривыкнуть наконецъ поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ. Заразительность смѣха, заразительность зѣвоты не исключительные случаи въ общественной физіологіи, — та же заразительность принадлежитъ всѣмъ явленіямъ, обнаруживающимся въ массахъ. Есть чья-то басня о томъ, какъ какой-то здоровый человѣкъ попалъ въ царство хромыхъ и кривыхъ. Басня говоритъ, будто бы всѣ на него нападали, зачѣмъ у него оба глаза и обѣ ноги цѣлы; басня солгала, потому что не договорила всего: на пришельца нападали только сначала, а когда онъ обжился на новомъ мѣстѣ, онъ самъ прищурилъ одинъ глазъ и сталъ прихрамывать,— ему казалось уже, что такъ удобнѣе или по крайней мѣрѣ приличнѣе смотрѣть и ходить, и скоро онъ даже забылъ, что собственно говоря онъ не хромъ и не кривъ. Если вы охотникъ до грустныхъ эффектовъ, можете прибавить, что когда наконецъ пришла нашему заѣзжему надобность почти твердымъ шагомъ и зорко смотрѣть обоими глазами, уже не могъ онъ этого сдѣлать: оказалось, что закрытый глазъ уже не открывался, искривленная нога уже не распрямлялась; отъ долгаго принужденія нервы и мускулы бѣдныхъ искаженныхъ суставовъ утратили силу дѣйствовать правильнымъ образомъ.

Прикасающійся къ смолѣ зачернится, — въ наказаніе себѣ, если прикасался добровольно, на бѣду себѣ, если не добровольно. Нельзя не пропитаться пьянымъ запахомъ тому, кто живетъ въ кабакѣ, хотя бы самъ онъ не выпилъ ни одной рюмки, нельзя не проникнуться мелочностью воли тому, кто живетъ въ обществѣ, не имѣющемъ никакихъ стремленій, кромѣ мелкихъ житейскихъ разсчетовъ. Невольно вкрадывается въ сердце робость отъ мысли, что вотъ можетъ быть придется

мнѣ принять высокое рѣшеніе, смѣло сдѣлать отважный шагъ не по пробитой тропинкѣ ежедневнаго моціона. Потому-то стараешься увѣрять себя, что нѣтъ, не пришла еще надобность ни въ чемъ такомъ необыкновенномъ, до послѣдней роковой минуты нарочно убѣждаешь себя, что все, кажущееся выходящимъ изъ привычной мелочности, не болѣе, какъ обольщеніе. Ребенокъ, который боится буки, зажмуриваетъ глаза и кричитъ какъ можно громче, что буки нѣтъ, что бука вздоръ, — этимъ, видите ли, онъ ободряетъ себя. Мы такъ умны, что стараемся увѣрить себя, будто все, чего трусимъ мы, трусимъ не единственно оттого, что нѣтъ въ насъ силы ни на что высокое, но стараемся увѣрить себя, что все это вздоръ, что насъ только пугаютъ этимъ, какъ ребенка букою, а въ сущности ничего такого нѣтъ и не будетъ.

А если будетъ? Ну тогда выйдетъ съ нами то же, что вышло въ повѣсти г. Тургенева съ нашимъ Ромео. Онъ тоже ничего не предвидѣлъ и не хотѣлъ предвидѣть; онъ также зажмуривалъ себѣ глаза и пятился, а прошло время — пришлось ему кусать локти, да ужъ не достанетъ.

И какъ непродолжительно было время, въ которое рѣшалась и его судьба и судьба Аси, — всего только нѣсколько минутъ, и отъ нихъ зависѣла цѣлая жизнь, и, пропустивъ ихъ, уже ничѣмъ нельзя было исправить ошибку. Едва онъ вошелъ въ комнату, едва успѣлъ произнесть нѣсколько необдуманныхъ, почти безсознательныхъ, безразсудныхъ словъ, и уже все было рѣшено: разрывъ на вѣки, и нѣтъ возврата. Мы ни мало не жалѣемъ объ Асѣ; тяжело было ей слышать суровыя слова отказа, но, вѣроятно, къ лучшему для нея было, что довелъ ее до разрыва безразсудный человѣкъ. Еслибъ она осталась связана съ нимъ, для него это, конечно, было бы великимъ счастьемъ, но мы не думаемъ, чтобъ ей было хорошо жить въ близкихъ отношеніяхъ къ такому господину. Кто сочувствуетъ Асѣ, тотъ долженъ радоваться тяжелой возмутительной сценѣ. Сочувствующій Асѣ совершенно правъ: онъ избралъ предметомъ своихъ симпатій существо зависимое, существо оскорбляемое. Но, хотя и со стыдомъ, должны мы признаться, что принимаемъ участіе въ судьбѣ нашего героя. Мы не имѣемъ чести быть его родственниками; между нашими семьями существовала даже нелюбовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ. Но мы не можемъ еще оторваться отъ предубѣжденій, набившихся въ нашу голову изъ ложныхъ книгъ и уроковъ, которыми воспитана и загублена была наша молодость, не можемъ оторваться отъ мелочныхъ понятій, внушенныхъ намъ окружающимъ обществомъ: намъ все кажется (пустая мечта, но все еще неотразимая для насъ мечта), будто онъ оказалъ какія-то услуги нашему обществу, будто онъ представитель нашего просвѣщенія, будто онъ лучшій между нами, будто бы безъ него было бы намъ хуже. Все сильнѣй и сильнѣй развивается въ насъ мысль, что это мнѣніе о немъ пустая мечта, мы чувствуемъ, что не долго уже остается намъ находиться подъ ея вліяніемъ; что есть люди лучше его, именно тѣ, которыхъ онъ обижаетъ; что безъ него намъ было бы лучше жить, — но въ настоящую минуту

мы все еще не достаточно свыклись съ этою мыслью, не совсѣмъ оторвались отъ мечты, на которой воспитаны; потому мы все еще желаемъ добра нашему герою и его собратамъ. Находя, что приближается въ дѣйствительности для нихъ рѣшительная минута, которою опредѣлится на вѣки его судьба, мы все еще не хотимъ сказать себѣ: въ настоящее время не способны они понять свое положеніе; не способны поступить благоразумно и вмѣстѣ великодушно,—только ихъ дѣти и внуки, воспитанные въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, будутъ умѣть дѣйствовать какъ честные и благоразумные граждане, а сами они теперь непригодны къ роли, которая дается имъ; мы не хотимъ еще обратить на нихъ слова пророка: „Будутъ видѣть они и не увидятъ, будутъ слышать и не услышатъ, потому что загрубѣлъ смыслъ въ этихъ людяхъ, и оглохли ихъ уши, и закрыли они свои глаза, чтобъ не видѣть“, — нѣтъ, мы все еще хотимъ полагать ихъ способными къ пониманію совершающагося вокругъ нихъ и надъ ними, хотимъ думать, что они способны послѣдовать мудрому увѣщанію голоса, желавшаго спасти ихъ, и потому мы хотимъ дать имъ указаніе, какъ имъ избавиться отъ бѣдъ, неизбѣжныхъ для людей, не умѣющихъ во-время сообразить своего положенія и воспользоваться выгодами, которыя представляетъ мимолетный часъ. Противъ желанія нашего ослабѣваетъ въ насъ съ каждымъ днемъ надежда на проницательность и энергію людей, которыхъ мы упрашиваемъ понять важность настоящихъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно здравому смыслу, — но пусть по крайней мѣрѣ не говорятъ они, что не слышали

благоразумныхъ совѣтовъ, что не было имъ объясняемо ихъ положеніе.

Между вами, господа (обратимся мы съ рѣчью къ этимъ достопочтеннымъ людямъ), есть довольно много людей грамотныхъ; они знаютъ, какъ изображалось счастье по древней миѳологіи; — оно представлялось, какъ женщина съ длинной косой, развѣваемою впереди ея вѣтромъ, несущимъ эту женщину; легко поймать ее, пока она подлетаетъ къ вамъ, но пропустите одинъ мигъ — она пролетитъ, и напрасно погнались бы вы ловить ее: нельзя схватить ее, оставшись позади. Невозвратенъ счастливый мигъ. Не дождаться вамъ будетъ, пока повторится благопріятное сочетаніе обстоятельствъ, какъ не повторится то соединеніе небесныхъ свѣтилъ, которое совпадаетъ съ настоящимъ часомъ. Не пропустить благопріятную минуту — вотъ высочайшее условіе житейскаго благоразумія. Счастливыя обстоятельства бываютъ для каждаго изъ насъ, но не каждый умѣетъ ими пользоваться, и въ этомъ искусствѣ почти единственно состоитъ различіе между людьми, жизнь которыхъ устраивается хорошо или дурно. И для васъ, хотя быть можетъ и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, такъ счастливо, что единственно отъ вашей воли зависитъ ваша судьба въ рѣшительный мигъ. Поймете ли вы требованіе времени, сумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь,—вотъ въ чемъ для васъ теперь вопросъ о счастіи или несчастіи навѣки.

Въ чемъ же способы и правила для того, чтобъ

не упустить счастья, предлагаемаго обстоятельствами? Какъ въ чемъ? Развѣ трудно бываетъ сказать, чего требуетъ благоразуміе въ каждомъ данномъ случаѣ? Положимъ, напримѣръ, что у меня есть тяжба, въ которой я кругомъ виноватъ. Предположимъ также, что мой противникъ, совершенно правый, такъ привыкъ къ несправедливостямъ судьбы, что съ трудомъ уже вѣритъ въ возможность дождаться рѣшенія нашей тяжбы: она тянулась уже нѣсколько десятковъ лѣтъ; много разъ спрашивалъ онъ въ судѣ, когда будетъ докладъ, много разъ ему отвѣчали „завтра или послѣ завтра“, и каждый разъ проходили мѣсяцы и мѣсяцы, годы и годы, и дѣло все не рѣшалось. Почему оно такъ тянулось, я не знаю, знаю только, что предсѣдатель суда почему-то благопріятельствовалъ мнѣ (онъ, кажется, полагалъ, что я преданъ ему всей душой). Но вотъ онъ получилъ приказаніе неотлагательно рѣшить дѣло. По своей дружбѣ ко мнѣ онъ призвалъ меня и сказалъ: „Не могу медлить рѣшеніемъ вашего процесса; судебнымъ порядкомъ не можетъ кончиться въ вашу пользу,— законы слишкомъ ясны; вы проиграете все; потерею имущества не кончится для васъ дѣло: приговоромъ нашего гражданскаго суда обнаружатся обстоятельства, за которыя вы будете подлежать отвѣтственности по уголовнымъ законамъ, а вы знаете, какъ они строги; каково будетъ рѣшеніе уголовной палаты — я не знаю, но думаю, что вы отдѣлаетесь отъ нея слишкомъ легко, если будете приговорены только къ лишенію правъ состоянія, — между нами будь сказано, можно ждать вамъ еще гораздо худшаго. Нынѣ суббота, въ понедѣльникъ ваша тяжба будетъ доложена и рѣшена,— долѣе отлагать ее не имѣю я силы при всемъ расположеніи моемъ къ вамъ. Знаете ли, что я посовѣтовалъ бы вамъ? воспользуйтесь остающимся у васъ днемъ: предложите мировую вашему противнику; онъ еще не знаетъ, какъ безотлагательна необходимость, въ которую я поставленъ полученнымъ мною предписаніемъ; онъ слышалъ, что тяжба рѣшается въ понедѣльникъ, но онъ слышалъ о близкомъ ея рѣшеніи столько разъ, что извѣрился своимъ надеждамъ; теперь онъ еще согласится на полюбовную сдѣлку, которая будетъ очень выгодна для васъ и въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что ею избавитесь вы отъ уголовнаго процесса, пріобрѣтете имя человѣка снисходительнаго, великодушнаго, который какъ будто бы самъ почувствовалъ голосъ совѣсти и человѣчности. Постарайтесь кончить тяжбу полюбовною сдѣлкой. Я прошу васъ объ этомъ, какъ другъ вашъ.“

Что мнѣ теперь дѣлать, пусть скажетъ каждый изъ васъ: умно ли будетъ мнѣ поспѣшить къ моему противнику для заключенія мировой? Или умно будетъ пролежать на своемъ диванѣ единственный остающійся мнѣ день? Или умно будетъ накинуться съ грубыми ругательствами на благопріятствующаго мнѣ судью, дружеское предувѣдомленіе котораго давало мнѣ возможность съ честью и выгодою для себя покончить мою тяжбу?

Изъ этого примѣра читатель видитъ, какъ легко въ данномъ случаѣ рѣшить, чего требуетъ благоразуміе.

„Старайся примириться съ твоимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ нимъ до суда; а иначе отдастъ тебя противникъ судьѣ, а судья отдастъ тебя исполнителю приговоровъ, и будешь ты ввергнутъ въ темницу и не выйдешь изъ нея, пока не расплатишься за все, до послѣдней мелочи.“ Матѳ. глава V, ст. 25 и 26.
